

ЗНАЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Гарипов Т. И.¹

Ключевые слова: доказательственное право, допустимость доказательств, показания свидетеля, заключение эксперта, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, внутреннее убеждение, усмотрение правоприменителя.

Аннотация.

Цель работы: рассмотрение наиболее проблемных аспектов понятия доказательств в теории уголовно-процессуального доказывания современного отечественного уголовного судопроизводства.

Методы исследования: современные диалектические методы изучения государственно-правовой действительности. Среди методов можно выделить анализ, синтез, ретроспективный анализ, сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования: был сформулирован вывод о существенной роли доказательств и доказывании в разрешении уголовного дела по существу, а также о необходимости пересмотра подходов в определении понятия и свойств доказательств. Современный институт доказательств нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении с учетом постоянно меняющейся государственно-правовой действительности. Но какими бы процессуальными формами ни обладали доказательства в уголовном судопроизводстве, их основным предназначением должно оставаться установление существенных обстоятельств уголовного дела в целях изобличения лица, совершившего преступление, справедливого разрешения дела по существу и защиты личности от необоснованного, незаконного обвинения и нарушения прав и свобод человека и гражданина.

DOI: 10.21681/2226-0692-2021-4-74-81

С древнейших времен, когда государственные и правовые институты только проходили этап своего становления, для признания лица виновным в совершении того или иного преступления требовалось нечто более весомое, чем просто заявление пострадавшего лица перед государственными чиновниками, полномочными рассматривать уголовные иски и назначать уголовное наказание. Для определения виновности лица в совершении преступления римскими юристами была разработана система, позволившая с точностью, на основании внутреннего убеждения судьи или лица, рассматривавшего уголовное дело, определять, причастно ли лицо к совершению конкретного преступления и виновно ли оно в его совершении. Данный правовой институт получил название системы доказательств в уголовном судопроизводстве.

Прошло достаточное долгое время эволюции понятия, системы и содержания доказательств в уголовном судопроизводстве. В первоначальный период своего существования институт доказательств носил весьма условный характер, поскольку его применение было обусловлено теми государственно-общественными формациями и противоречиями, возникающими в резуль-

тате отношения различных классов к праву собственности на средства производства. Так, например, в Древнем Риме показания, данные рабом в уголовном судопроизводстве, не считались доказательством, поскольку такие лица на тот момент по определению не могли выступать в качестве самостоятельного участника правоотношений в силу того, что рабы выступали скорее в качестве объекта имущественных прав, нежели отдельных субъектов права. Со временем подобные ограничения в качестве использования тех или иных видов доказательств стали распространяться на крепостное крестьянство и иных лиц низших сословий в государствах Европы периода средневековья. Значительного прогресса в достижении развития понятия и системы уголовно-процессуальных доказательств удалось достичь в результате коренных преобразований, произошедших во французском обществе после Великой французской буржуазной революции. Это событие определило дальнейший ход не только мировой истории, но и отдельных институтов права. Впервые в период становления правосудия и уголовной юстиции после Французской революции были сняты сословные ограничения в части определения доказательственного значения тех или иных видов

¹ Гарипов Тимур Ильгизович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, г. Казань, Российская Федерация. E-mail: ti89ga@mail.ru

доказательств. Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства во многом было определено идеями, родившимися в горниле Французской революции и прошедшими апробацию как через значительные уголовные репрессии, так и через труды великих французских мыслителей-гуманистов. Такая коллаборация привнесла значительные достижения, ставшие впоследствии неотъемлемой частью мировой уголовно-процессуальной теории, а идеи, воплотившиеся в этой теории, были рецептированы многочисленными странами в собственной национальной системе уголовно-процессуального законодательства [1].

Одной из таких универсальных идей стала идея формального равенства доказательств при оценке их судьей, следователем или прокурором. Данная идея, как сказали бы ученые-процессуалисты советского периода, является продуктом буржуазной уголовно-процессуальной мысли, ставшей продуктом череды великих европейских революций в период распада монархической системы правления. Однако и советское законодательство, пропитанное идеологическими концепциями марксизма-ленинизма, не побрезговало заимствовать эти несомненно прогрессивные идеи в свой собственный арсенал системы уголовно-процессуальных принципов и гарантий.

Так, говоря об отсутствии у доказательств заранее установленной силы, следует в первую очередь иметь в виду их формальное равенство перед законом и убеждением должностного лица, осуществляющего их оценку. Нет доказательств ни худших, ни лучших для установления обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Например, одни и те же доказательства, полученные аналогичным способом, путем производства одного и того же следственного действия, в которых содержатся фактические данные об одних и тех же обстоятельствах уголовного дела, но полученные от разных по своему социальному и имущественному положению лиц (например, данные, содержащиеся в показаниях, полученных от подозреваемого или потерпевших), должны рассматриваться как равнозначные по своей юридической силе, безотносительно к каким-либо признакам, не имеющим юридического значения.

Так, например, если известный в городе N предприниматель, меценат и депутат местного (регионального) представительного органа государственной власти (или его близкий родственник), вдруг по случайному стечению обстоятельств совершает преступление, предусмотренное ст. 264 Уголовного кодекса (УК) РФ, то есть, нарушив правила дорожного движения, управляя своим автомобилем с превышением установленной скорости в состоянии алкогольного опьянения, совершает ДТП, сбивая человека, который оказывается лицом без постоянного места жительства и причиняет ему таким образом тяжкий вред здоровью, — то он должен быть допрошен в любом случае в качестве подозреваемого по уголовному делу, но не в качестве случайного свидетеля, если, конечно, доподлинно установлено, что именно он управлял данным транспортным средством. В свою очередь, потерпевший по подобному уголовному делу допрашивается, и его показания должны быть получены таким образом, чтобы всячески исключить их двусмысленное толкование с целью убеждения правопримени-

теля в виновности самого потерпевшего в случившемся ДТП. Однако такой подход при определении равнозначности и отсутствия заранее установленной силы данных доказательств должен быть, несомненно, обеспечен совокупностью иных доказательств, собранных в результате следственных действий по данному уголовному делу, например, протокола осмотра места происшествия, заключения экспертов и специалистов. Стоит при этом упомянуть, что хотя показания подозреваемого — депутата (или его близкого родственника) — и показания потерпевшего — лица без определенного места жительства — формально равны, но, как это нередко бывает в российской правовой действительности, должностными лицами допускается искажение доказательств, которые подтверждают виновность водителя автомобиля в совершении преступления, путем искажения фактических данных протокола осмотра места происшествия (в части измерения длины тормозного пути, характера повреждений автомобиля и т. д.), которые впоследствии отразились бы на содержании заключения автотехнического эксперта в части несоответствия выводов эксперта фактическим обстоятельствам произошедшего события. Таким образом, фактически потерпевший лишается права на доступ к правосудию в результате не только того, что показания, данные им по уголовному делу, были оценены в качестве доказательств, имеющих меньшую (или даже ничтожную) юридическую силу, но и комплексного, цельного подхода к самой сути правосудия как со словному элементу нашего современного российского общества. В результате фактически виновное в совершении преступления лицо — бизнесмен, способствующий развитию конкретного региона (он же предприниматель — собственник крупных предприятий, т. е. средств производства) — избегает уголовной ответственности ввиду неустановления правоохранительными органами признаков какого-либо состава преступления в его действиях. Мало того, в результате такого решения правоохранительных органов лицо, которому фактически причинен вред здоровью, лишается права на возмещение данного вреда путем имущественных взысканий от виновного лица, поскольку оно фактически не установлено.

Несмотря на то, что нами приведен условный пример из повседневной жизни вымышленного российского города, любой неискушенный читатель найдет в данной ситуации знакомые черты объективной правовой действительности своего собственного города или поселка. Это то, с чем обычный обыватель может столкнуться ежедневно, проходя по своей знакомой с детства улице на работу, учебы, провозжая своего ребенка в детский сад или школу. Такова наша жизнь на сегодня, и за примерами из реальной жизни далеко ходить нет необходимости².

При чем же здесь вопросы содержания уголовно-процессуальных доказательств? Мы ответим, что подобный подход в определении содержания тех или иных доказательств складывается в результате полного игнорирования такого принципа уголовного процесса, как свобода оценки доказательств, изложенного в ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ.

² Смертельный наезд по крайней необходимости. URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2014/09/29a624130.shtml> (дата обращения: 18.10.2021).

Тенденции современной российской государственно-правовой действительности в части правоприменения отдельных институтов уголовно-процессуального закона, в том числе институтов доказательственного права, вызывают обоснованное беспокойство [2]. Подобная система закладывает мину замедленного действия под фундамент нашего правосудия и общества в целом. Если не предпринимать радикальных мер по искоренению подобных проблем российской уголовной юстиции, то это чревато крупными и значительными социальными потрясениями, которые лягут на плечи обычных граждан нашей страны, повлекут за собой в водовороте переворотов, революций и войн значительные жертвы, через которые Россия уже проходила на предыдущих этапах своего развития.

Практика, сложившаяся в результате применения норм УПК РФ о сборе, проверке доказательств и оценке их содержания, страдает тяжелой болезнью, именуемой политизацией уголовного процесса и фактическим рассмотрением уголовно-процессуальных институтов в качестве орудия, продолжающего или воплощающего в жизнь интересы отдельных элитных групп или конкретных влиятельных личностей.

Содержание доказательств должно оцениваться с позиций их равенства, и ни в коем случае не допускается их деление на лучшие или худшие в зависимости от того, из каких источников они были получены, или иных обстоятельств, обусловленных условиями их получения [3].

Так, в качестве примера следует отметить значение такого вида доказательства, как заключение эксперта, которое представляет собой определенное суждение, сформулированное благодаря исследованию, проведенному им в области конкретных научных познаний, в части разрешения вопросов, которые были поставлены перед ним следователем [4]. Мы понимаем, что заключение эксперта ввиду того, что оно обосновано последними достижениями научной и технической мысли, вероятнее всего, носит достоверный характер. Однако стоит помнить, что как бы ни был высок авторитет эксперта, сформулировавшего данное заключение, его следует оценивать с позиций иных доказательств, полученных в ходе производства по конкретному уголовному делу, безотносительно к тому, противоречат ли они выводам эксперта, данным им в заключении, или нет. При этом стоит также отметить, что заключение эксперта не является для следователя или дознавателя обязательным в части юридического установления каких-либо обстоятельств уголовного дела, поскольку его итоговая оценка обусловлена внутренним убеждением самого судьи или следователя, однако при несогласии с выводами заключения эксперта должностное лицо обязано изложить собственные доводы несогласия с такими выводами и отразить данные доводы в тексте описательной части обвинительного заключения, обвинительного акта или приговора в контексте анализа доказательств собранных по уголовному делу либо назначить производство новой повторной судебной экспертизы, поставив аналогичные вопросы перед другим экспертом в той же самой сфере научных познаний.

Еще одним характерным признаком, характеризующим значение доказательств в теории уголовно-про-

цессуального права, является вопрос о субъективной оценке их содержания должностным лицом, осуществляющим расследование по уголовному делу, или судом. Уголовно-процессуальный закон в данном случае для определения содержания мыслительной, интеллектуальной деятельности следователя или суда использует такие общеправовые и нравственные категории, как внутреннее убеждение и совесть.

Говоря о внутреннем убеждении как категории, относящейся непосредственно к оценке полученных в ходе производства по уголовному делу доказательств, следует отметить, что оно обусловлено теми субъективными признаками и индивидуальными особенностями, которые характеризуют личность конкретного правоприменителя, проводящего оценку доказательств по конкретному уголовному делу. Так, нравственные основы, заложенные в самом человеке — должностном лице, принимающем процессуальное решение по уголовному делу, могут существенно повлиять на то, как он оценит то или иное доказательство и какое процессуальное решение по данному поводу примет в итоге.

Внутреннее убеждение суда, следователя, прокурора при оценке доказательств есть категория неосознаваемая, невосприимчивая к органам чувств и интеллектуальной деятельности стороннего наблюдателя, любого другого участника уголовного процесса. Внутреннее убеждение правоприменителя формируется в ходе всего производства по уголовному делу, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и заканчивая такими экстраординарными этапами уголовного судопроизводства, как производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Процесс формирования внутреннего убеждения сопряжен с мыслительной, интеллектуальной деятельностью, направленной на анализ содержания собранных по уголовному делу доказательств. Однако ни в юридической литературе, ни в каком-либо нормативном правовом акте или разъяснениях Верховного суда РФ не указано количество собранных и проанализированных доказательств по уголовному делу, достаточных для формирования внутреннего убеждения с целью принятия законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу. Внутреннее убеждение при оценке доказательств должностным лицом формируется вне зависимости от каких-либо научно обоснованных рекомендаций или ведомственных нормативных положений. Каждый правоприменитель проводит сквозь свое сознание содержание проанализированных доказательств и принимает решение соответственно с сформировавшимся в себе убеждением относительно фактов, установленных в ходе производства по уголовному делу и существенным образом влияющих на принятие зачастую итогового процессуального решения [5].

Внутреннее убеждение следователя, суда или прокурора также, согласно УПК РФ, соотносится с понятием совести, которое встречается в тексте закона, предусмотренном ст. 17 УПК РФ. Совесть, как и внутреннее убеждение, представляет собой исключительно субъективное и оценочное понятие, которое характеризует морально-нравственную сторону личности правоприменителя. Совесть как философская категория пред-

ставляет собой внутренние психологические установки личности, сформировавшиеся в ней в результате социализации, то есть в ходе ее становления, приобщения к социальным и нравственным нормам и нормативам, принятым в конкретном обществе. Совесть служит своего рода способом самоконтроля поведения личности [6]. В обывательском сознании существует устойчивое выражение «переступить через совесть», что фактически означает факт нарушения человеком собственных установок с последующими психологическими последствиями для человека, совершившего тот или иной поступок и внутренними психологическими переживаниями лицами, происходящими по поводу данных обстоятельств. Поступить вопреки собственной совести или не допустить поступка, который бы позволил это сделать, — этот вопрос решается каждым человеком индивидуально и на его решение вряд ли кто-либо может повлиять существенным образом. Как правило, подобные решения принимаются в так называемых ситуациях морального выбора, когда перед человеком стоит вопрос о выборе своего поведения или принятия решения, в результате которого это поведение или решение может вступить в конфликт с собственной совестью.

Так, следователь сам решает, следует ли привлекать в качестве обвиняемого по уголовному делу лицо, если в отношении него собрано недостаточное, по его мнению, количество доказательств, либо если данные доказательства противоречивы. Конечно же, на решение следователя может влиять не только его собственная совесть и внутреннее убеждение, но и еще такие внешние факторы, как требования ведомственных показателей служебной деятельности за определенный период времени, именуемые в обиходе «палочной системой», которая, несмотря на проведенные на рубеже десятилетий в России реформы в правоохранительных органах (в первую очередь в ОВД и Следственном комитете РФ), продолжает оставаться и влияет на многие процессуальные решения, принимаемые ежедневно следователями и дознавателями правоохранительных ведомств на различных уровнях (местном, региональном, федеральном). Эта «палочная система» сводит на нет любые попытки законодателя закрепить демократические и гуманистические основы уголовного судопроизводства в ежедневной деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в России. В связи с этим, хотя формально уголовно-процессуальный закон и предписывает следователю или суду руководствоваться собственной совестью при оценке доказательств, на деле же их совесть попирается элементарными прагматическими соображениями, ведомственными интересами о достижении неимоверных высот их деятельности, выразившимся в увеличении или уменьшении статистических показателей относительно аналогичного периода прошлого года, о чем докладывается высшим лицам государства на очередной расширенной коллегии того или иного правоохранительного ведомства.

Значение доказательств в уголовно-процессуальной деятельности следователя, дознавателя или суда трудно переоценить. По сути, весь уголовный процесс так или иначе строится на сборе и анализе собранных доказательств и дальнейшем их использовании в ходе

процессуального поединка между сторонами обвинения или защиты. Для каждого конкретного участника уголовного процесса, в зависимости от принадлежности его к той или иной стороне (обвинения, защиты или суда), каждое собранное по уголовному делу доказательство будет иметь собственное значение.

Так, для стороны обвинения, осуществляющей уголовное преследование по уголовному делу, связанное с необходимостью раскрытия преступления и изобличения лица, совершившего преступление, доказательства будут иметь значение в контексте установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, необходимости сбора достаточной их совокупности для принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения, а впоследствии сбора достаточных доказательств для окончания расследования, составления обвинительного заключения (акта) и направления уголовного дела вместе с обвинительным заключением (актом) прокурору для последующего утверждения и направления уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу. Для прокурора, который будет в суде выступать в качестве государственного обвинителя, поддерживая государственное обвинение, доказательства будут иметь значение инструментов, с помощью которых он сможет сформировать у суда убеждение о причастности подсудимого ко вменяемым ему в вину преступлениям или его виновности в их совершении. Апеллируя собранными доказательствами, прокурор в судебном следствии сможет умело парировать доводы защиты относительно позиций, которых придерживается подсудимый и его защитник.

Для стороны защиты доказательства, собранные по уголовному делу, имеют собственное юридическое значение, проявляющееся в наличии процессуальных возможностей повлиять на принимаемые решения и на итоговый исход по уголовному делу. Так, показания обвиняемого, которые даны им после консультации с защитником, в ходе которой ими совместно была выработана единая позиция защиты относительно содержания предъявленного обвинения, могут быть использованы на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, например, при заявлении соответствующих ходатайств о прекращении уголовного дела или уголовного преследования или о производстве дополнительных следственных действий, которые могли бы проверить подлинность показаний обвиняемого или опровергнуть доказательства, представленные обвиняемому стороной обвинения в ходе его допроса. И даже в тех случаях, когда обвиняемый в своих показаниях признается в совершении преступления и искренне раскаивается в его совершении, доказательственное их значение для стороны защиты тоже будет иметь определенный смысл, поскольку в дальнейшем сторона защиты вправе сослаться на эти показания как подтверждающие факт деятельного раскаяния обвиняемого, что в конечном итоге может повлиять на строгость приговора, поскольку данное обстоятельство выступает в качестве смягчающего при назначении судом уголовного наказания.

Для суда, единственной процессуальной функцией которого является необходимость разрешения уголовного дела по существу, представленные сторонами

доказательства имеют значение для разрешения ключевых вопросов по уголовному делу: о виновности или невиновности подсудимого, причастности или непричастности его к преступлению. С помощью доказательств суд устанавливает обоснованность предъявленного подсудимому обвинения в части уголовно-правовой квалификации содеянного, количества совершенных подсудимым эпизодов преступной деятельности, а также иных вопросов, связанных с постановлением приговора: о возмещении причиненного преступлением вреда, о конфискации имущества, добытого преступным путем, о процессуальных издержках и т. д.

На этапе возбуждения уголовного дела значение уголовно-процессуальных доказательств не столь очевидно, как это может показаться на первый взгляд. Известно, что данная стадия характеризуется непроцессуальным характером действий, осуществляемых следователем и органом дознания в целях приема, регистрации, проверки и разрешения сообщений о преступлениях, что накладывает на нее определенный ограничительный отпечаток в плане процессуальных возможностей по сбору и проверке доказательств. Недаром в соответствии со ст. 140 УПК РФ в качестве основания для возбуждения уголовного дела выступают достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Обратим внимание на формулировку, которую использует законодатель. Речь идет не о достаточных доказательствах, а лишь о достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Таким образом, эти данные, исходя из буквального толкования вышеуказанной нормы, не облечены в установленную процессуальную форму доказательств и доказательствами как таковыми могут и не являться. Однако, несмотря на это, действующий УПК РФ в нормах, регламентирующих стадию возбуждения уголовного дела, указывает на возможность сбора доказательств и до начала официальной процессуальной деятельности. Отметим также, что доказательства, собранные на данном этапе, также будут иметь равное значение с иными материалами проверки, в том числе и с результатами оперативно-розыскной деятельности, даже более того — эти доказательства будут оставаться таковыми и уже после возбуждения уголовного дела как на предварительном расследовании, так и на судебном разбирательстве, где суд также может обращаться к их содержанию для установления обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения уголовного дела.

Так, в ст. 144 УПК РФ содержится примерный перечень способов проверки сообщения о преступлении, в котором определенное место занимают следственные и иные процессуальные действия: следственный осмотр, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы, истребование документов, производство исследования. Таким образом, уголовно-процессуальный закон допускает получение на этапе возбуждения уголовного дела таких доказательств как протокол осмотра и освидетельствования, заключение эксперта и специалиста, а также иных документов.

Следует отметить, что доказательства, полученные на этапе проверки сообщения о преступлении, также могут быть положены в основание для принятия решения о возбуждении уголовного дела, — например, протокол осмотра места происшествия, содержанием

которого является обстановка, зафиксированная на месте совершения кражи с незаконным проникновением в жилище, фиксирующий способы проникновения в квартиру, например, взлом входной двери, подбор ключей и т. д., в общем и целом сведения, отражающие необходимые признаки конкретного состава преступления для принятия решения о квалификации при возбуждении уголовного дела. В качестве примера можно также привести содержание протокола места происшествия при убийстве, в котором содержатся сведения о насильственном характере смерти при описании повреждений на теле потерпевшего лица. В иных случаях содержание заключения эксперта будет иметь основополагающее значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела; в нем будет установлено, например, что внезапная остановка сердца потерпевшего вызвана не наличием у него хронического заболевания, а принятие смертельной дозы сильного отравляющего вещества. Решающую роль заключение эксперта играет также в ходе доследственной проверки по сообщению о преступлении, предусмотренному ст. 228 УК РФ и предусматривающему уголовную ответственность за незаконное хранение наркотических средств, в части установления вида и размера признанного наркотическим веществом, изъятого в результате обыска или досмотра. Данные сведения, облеченные в форму уголовно-процессуального доказательства — заключения эксперта — существенным образом могут отразиться на квалификации содеянного виновным при возбуждении уголовного дела.

Однако отметим, что в последнее время в законодательстве намечается тенденция на установление доказательственного тождества между данными, полученными в ходе доследственной проверки, и доказательствами, полученными при производстве следственных действий. Так, с добавлением в УПК РФ главы 32.1 о производстве дознания в сокращенной форме законодатель допустил возможность использовать в качестве доказательств по уголовному делу сведения, полученные в ходе проверки сообщения, если достоверность данных сведений не оспаривается стороной защиты и она не ходатайствует об установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, следственным путем. В рамках этих изменений в ст. 144 УПК РФ был также добавлен п. 1.2, которым тоже предусмотрена возможность использования сведений, полученных при проверке сообщения о преступлении вне рамок процессуальной формы, в качестве доказательств по уголовному делу.

Таким образом, следует отметить современную тенденцию в законодательстве, направленную на унификацию в досудебных стадиях уголовного судопроизводства формы и содержания доказательств, что входит в определенное противоречие с действующей уголовно-процессуальной доктриной теории доказательств, поскольку процессуальная форма получения сведений на этапе проверки сообщения о преступлении не регламентируется детально Уголовно-процессуальным кодексом РФ, то есть не предусмотрена законом, и ввиду этого полученные сведения не могут быть рассмотрены в качестве доказательств по уголовному делу и использоваться при доказывании в суде.

В свою очередь, отражая собственный взгляд на данную проблему, отметим, что современные подходы к

определению видов и содержания доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства нуждаются в глубоком научном переосмыслении с точки зрения их эффективности в нелегком деле борьбы с таким социально-негативным явлением, как преступность. В связи с этим тенденция на определенное облегчение жизни сотрудников правоохранительных органов, связанная с уменьшением документооборота, используемого в том числе в сфере уголовного судопроизводства, не может не вызывать радости и поддержки. Ведь, как правило, данные, полученные в ходе досудебной проверки, при условии отсутствия у них доказательственного значения как такового ввиду их несоответствия установленной уголовно-процессуальной форме после возбуждения уголовного дела дополнительно получают уже в форме, предусмотренной УПК РФ, при этом информативное содержание как сведений, полученных на этапе проверки сообщения о преступлении, так и полученных в ходе следственного действия, произведенного после возбуждения уголовного дела, фактически тождественно. Наиболее яркую характеристику данного явления можно привести на примере получения объяснений от очевидца на этапе проверки сообщения о преступлении и последующего его допроса в качестве свидетеля об одних и тех же фактических обстоятельствах с сообщением им одной и той же информации, что приводит к бессмысленной трате времени как следователя, так и самого вызванного на допрос гражданина, который в связи с этим вынужден отвлекаться от своих основных занятий.

В лучшем случае такое доказательство, как показания свидетеля, ранее уже опрошенного о тех же обстоятельствах в рамках проверки сообщения о преступлении, будут иметь хоть какой-то признак информативности. Зачастую при производстве предварительного расследования по уголовным делам, особенно резонансных преступлений, информативное содержание некоторых сведений, сообщенных свидетелями в ходе допроса, остается под серьезным вопросом. Так, например, если по уголовному делу о резонансном убийстве в средствах массовой информации сообщают, что было допрошено 700 свидетелей, однако раскрыть данное преступление еще не удалось, это может означать лишь то, что в уголовном деле содержится 700 бланков протокола допроса свидетелей, содержанием которых является отражение факта о том, что им ничего не известно о местонахождении лица, совершившего данное преступление, или о его личности. По своему содержанию подобные показания вовсе нельзя считать доказательствами, поскольку они не соответствуют такому информативному свойству доказательств, как относимость [7].

Продолжая разговор о значении доказательств на этапе предварительного расследования, не следует обходить вниманием вопрос о необходимости их использования при получении оснований для производства следственных действий. В частности, подобный вопрос относится к наличию фактических и юридических оснований для производства обыска или выемки по уголовному делу.

Так, в положениях УПК РФ, регламентирующих процессуальный порядок производства обыска (ст. 182), указано, что при наличии достаточных данных, указывающих, что в каком-либо месте или у какого-либо лица

могут находиться предметы или документы, имеющие значение для уголовного дела, может быть произведен их обыск.

В научной литературе уже долгое время находит отражение дискуссия о том, что следует понимать под формулировкой законодателя «достаточные данные» применительно к основаниям для производства обыска в жилище или ином помещении. Так, одна из позиций заключается в том, что в качестве оснований для производства обыска можно допускать любые данные, независимо от их уголовно-процессуальной формы [8]. Так, например, в обоснование для производства обыска могут быть положены данные, которые были получены в результате оперативно-розыскных мероприятий негласным путем в результате проведенной оперативной комбинации. Такие сведения могут быть облечены в форму рапорта оперативного сотрудника, представленного следователю в установленном порядке. Далее следователь на основании лишь одного-единственного рапорта оперативного сотрудника выносит постановление о производстве обыска либо ходатайствует об этом перед судом в случае, если необходимо произвести обыск, например, в жилище. Подобный подход разделяется далеко не всеми исследователями. Так, диаметрально противоположный подход к рассмотрению данной проблемы заключается в том, что для того, чтобы для производства обыска имелись фактические основания, в материалах уголовного дела должны содержаться сведения, облеченные в уголовно-процессуальную форму доказательств [9]. Например, данные о том, что по месту жительства подозреваемого могут находиться предметы, которые были похищены, могут быть получены только из показаний свидетеля, наблюдавшего наличие данного предмета по месту жительства подозреваемого при совместном распитии спиртных напитков, либо о наличии вышеуказанных предметов свидетелю было сообщено самим подозреваемым. При этом данные, на основании которых может быть произведен обыск, могут быть получены только в ходе производства соответствующих следственных действий, направленных на их получение. Так, например, местонахождение похищенного мобильного устройства может быть установлено в ходе производства такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами.

Для производства некоторых следственных действий наличие в материалах уголовного дела связанных с ними доказательств и их конкретного содержания и вовсе является обязательным условием. Так, например, для производства очной ставки требуется наличие в уголовном деле показаний ранее допрошенных лиц, в которых имеются существенные противоречия относительно обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Для производства предъявления для опознания требуется наличие в содержании показаний лица, которому планируется предъявлять то или иное лицо, предмета для опознания сведений об описании предъявляемого лица, его внешних данных и о факте возможности опознания этого лица, в ином случае производство опознания не представляется целесообразным.

Таким образом, значение доказательств в ходе подготовки производства следственных действий на пред-

варительном расследовании невозможно переоценить. Правоприменительная практика складывается таким образом, что при получении доказательств, содержащих сведения о тех или иных фактах, они автоматически становятся основаниями и условиями для производства тех или иных следственных действий, представляя собой, таким образом, определенную замкнутую цепочку развития следственной деятельности на всех этапах развития досудебного производства.

К слову, стоит отметить, что доказательства имеют значение и для применения мер процессуального принуждения при производстве предварительного расследования. Так, ходатайствуя перед судом об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого в виде заключения под стражу, следователь обязан предоставить суду доказательства, подтверждающие одно из оснований для избрания указанной меры пресечения. Так, если в тексте постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу указано, что лицо может угрожать свидетелям или потерпевшему, то сведения о таких угрозах либо об их предположительном характере должны быть отражены в соответствующих показаниях потерпевшего или свидетеля. В данном контексте иные документы, например, справка обвиняемого о судимости, в которой содержатся сведения о неоднократном совершении обвиняемым аналогичных преступлений, может подтверждать возможность того, что обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, равно как и наличие в паспорте обвиняемого отметки о регистрации и месте жительства в ином

населенном пункте может означать, что этот обвиняемый может скрыться. При отсутствии подобных доказательств в материалах ходатайства следователя суд может признать его необоснованным и отказать в избрании искомой меры пресечения, что, конечно же, может негативно отразиться на ходе предварительного следствия и эффективности его производства.

Одним из пограничных рубежей на предварительном расследовании является привлечение лица в качестве обвиняемого, которое заключается в присвоении качественно нового процессуального статуса лицу, в отношении которого ранее имелись только определенные подозрения. Так, основанием для предъявления лицу обвинения в совершении преступления, согласно ст. 171 УПК РФ, является наличие достаточной совокупности обвинительных по своему содержанию доказательств, подтверждающих виновность данного лица в совершении преступления.

Таким образом, современный институт доказательств нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении с учетом постоянно меняющейся государственно-правовой действительности. Но какими бы процессуальными формами ни обладали доказательства в уголовном судопроизводстве, их основным предназначением должно оставаться установление существенных обстоятельств уголовного дела в целях изобличения лица, совершившего преступление, справедливого разрешения дела по существу и защиты личности от необоснованного, незаконного обвинения и нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Головина В.С. Понятие и историческое развитие доказательств в уголовном процессе / В.С. Головина // European research : сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 7 декабря 2018 года / Ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 219—221.
2. Лазарева В.А. Трансформация понятия «доказательство» в состязательном уголовном процессе / В.А. Лазарева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2(29). С. 39—43.
3. Исаева Р.М. Свобода оценки доказательств в уголовном процессе: Отдельные аспекты / Р.М. Исаева // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4(50). С. 156—160.
4. Рogaва И.Г. Заключение специалиста как один из видов доказательств в уголовном процессе / И.Г. Рogaва, Д.В. Яловая // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 11-3. С. 141—143.
5. Брянская Е.В. Классификационное значение доказательств в уголовном судопроизводстве / Е.В. Брянская // Российское правосудие. 2017. № 7(135). С. 92—101.
6. Ряполова Я.П. Совесть как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе / Я.П. Ряполова, Д.Е. Снегирева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 4(29). С. 151—161.
7. Зотов Д.В. Доказательства и фикции в уголовном процессе / Д.В. Зотов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1(36). С. 45—50.
8. Чепрасов М.Г. Доказательства в уголовном процессе / М.Г. Чепрасов, М.А. Федоров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 6. С. 84—87.
9. Муравьев М.В. О пересмотре правовых стандартов доказывания и доказательств в уголовном процессе / М.В. Муравьев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2(38). С. 141—145.

SIGNIFICANCE OF EVIDENCE IN THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE PROOF: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

T. Garipov³

Keywords: *evidentiary law, admissibility of evidence, witness testimony, expert opinion, initiation of a criminal case, preliminary investigation, internal conviction, discretion of the law enforcement officer.*

Abstract.

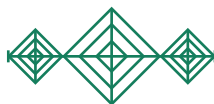
Purpose of the work: examining the most problematic aspects of the concept of evidence in the theory of criminal procedure proof in the modern domestic criminal proceedings.

Methods of study: modern dialectical methods of studying the state and legal reality. Among these methods, analysis, synthesis, retrospective analysis, and comparative legal method can be highlighted.

Results of study: the conclusion about the important role evidence and proof play in resolving a criminal case on the merits as well as the need to revise approaches in determining the concept and properties of evidence was set forth. The modern institution of evidence needs further theoretical comprehension considering the constantly changing state and legal reality. However, whatever procedural forms evidence may take in criminal proceedings their main purpose should remain the establishment of essential circumstances of the criminal case in order to convict the person who committed the offence, fairly resolve the case on the merits and protect the individual from unjustified and unlawful accusations and violations of human and civil rights and freedoms.

References

1. Golovina V.S. Poniatie i istoricheskoe razvitie dokazatel'stv v ugovnom protsesse. European research : sbornik statei XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 7 dekabria 2018 goda. Otvetstvennyi redaktor G.Iu. Guliaev. Penza : MTsNS "Nauka i Prosveshchenie", 2018, pp. 219-221.
2. Lazareva V.A. Transformatsiia poniatia "dokazatel'stvo" v sostizatel'nom ugovnom protsesse. Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Iuridicheskie nauki, 2017, No. 2(29), pp. 39-43.
3. Isaeva R.M. Svoboda otsenki dokazatel'stv v ugovnom protsesse: Otdel'nye aspekty. Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika, 2017, No. 4(50), pp. 156-160.
4. Rogava I.G. Zakliuchenie spetsialista kak odin iz vidov dokazatel'stv v ugovnom protsesse. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2018, No. 11-3, pp. 141-143.
5. Brianskaia E.V. Klassifikatsionnoe znachenie dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve. Rossiiskoe pravosudie, 2017, No. 7(135), pp. 92-101.
6. Riapolova Ia.P. Sovest' kak nrvstvennyi kriterii deiatel'nosti po otsenke dokazatel'stv v ugovnom protsesse. Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Istorii i pravo, 2018, t. 8, No. 4(29), pp. 151-161.
7. Zotov D.V. Dokazatel'stva i fiksii v ugovnom protsesse. Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal, 2018, No. 1(36), pp. 45-50.
8. Cheprasov M.G. Dokazatel'stva v ugovnom protsesse. Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki, seriia: Ekonomika i pravo, 2017, No. 6, pp. 84-87.
9. Murav'ev M.V. O peresmotre pravovykh standartov dokazyvaniia i dokazatel'stv v ugovnom protsesse. Iuridicheskai nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii, 2017, No. 2(38), pp. 141-145.

³ Timur Garipov, Ph.D. (Law), Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation. E-mail: ti89ga@mail.ru